

DOI: 10.31696/S086919080031038-8

РЕАКЦИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ЯПОНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ЮН СОГЁЛЯ И ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ЯПОНИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ¹

© 2024

О.С. ПУГАЧЕВА ^{a, b}^a – МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия;^b – Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия;

ORCID: 0000-0003-1031-9085; pugacheva@iccaras.ru

Резюме: После прихода к власти в Республике Корея (РК) консервативного правительства во главе с Юн Согёлем к концу 2023 г. Сеул и Токио полностью нормализовали политические и экономические связи, а также активизировали сотрудничество в области безопасности в рамках продвигаемого США трехстороннего формата. В этой связи можем ли мы говорить о том, что у двух стран появился шанс на долгосрочное сближение и выход из тупика исторических противоречий? Цель настоящей статьи – определить, в какой степени южнокорейское общественное мнение поддерживает японское направление политики президента Юн Согёля и насколько оно восприимчиво к транслируемому официальным дискурсом образу Японии. В статье проанализированы опросы южнокорейского общественного мнения, во-первых, на предмет отношения к проводимому действующей администрацией курса в отношении Токио, во-вторых, относительно динамики восприятия южнокорейцами Японии. Анализ внешнеполитических оценок южнокорейских граждан относительно прояпонской политики нынешнего правительства свидетельствует о том, что большинство южнокорейцев скептически оценивают «ориентированный на будущее» подход Юн Согёля к выстраиванию отношений с Японией и ожидают более активных взаимных действий со стороны Токио. Восприятие Японии общественным мнением РК склонно к волатильности – зависит от позиции находящейся у власти администрации, международной ситуации и событий, происходящих на двустороннем треке, но в определенных пределах. Ограничительными факторами политики действующей администрации на японском направлении служат негативный образ Японии, глубоко укоренившийся в сознании большей части южнокорейского населения, а также борьба идей в правящей элите и трансляция политическими группами противоположных представлений о Японии. Одним из драйверов двусторонних отношений является отношение южнокорейцев к США, южнокорейско-американскому союзу и восприятие ими международной ситуации в целом. Следовательно, образ желательного будущего РК, разделяемый руководством США, играет важную роль в японской политике Сеула.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, общественное мнение, восприятие, образ, южнокорейско-японские отношения.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке ИМИ МГИМО МИД России в рамках проекта № 2025-04-03.

Для цитирования: Пугачева О. С. Реакция южнокорейского общественного мнения на японское направление политики администрации Юн Сокёля и динамика восприятия Японии в Республике Корея. *Восток (Oriens)*. 2024. № 3. С. 115–129. DOI: 10.31696/S086919080031038-8

THE REACTION OF SOUTH KOREAN PUBLIC OPINION TO THE JAPANESE POLICY OF YOON SUK-YEOL'S GOVERNMENT AND THE DYNAMICS OF THE ROK'S PERCEPTIONS OF JAPAN²

© 2024

Oksana S. PUGACHEVA ^{a, b}

^a – MGIMO University, Moscow, Russia;

^b – Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0003-1031-9085; pugacheva@iccaras.ru

Abstract: *The purpose of this article is to determine to what extent the public opinion in the Republic of Korea (ROK, South Korea) supports the Japanese policy of President Yoon Suk-yeol and how receptive it is to the image of Japan transmitted by the official discourse. The article analyzes surveys of South Korean public opinion, firstly, regarding the attitude towards the foreign policy course pursued by the current administration towards Tokyo, and secondly, regarding the dynamics of South Koreans' perception of Japan. An analysis of the ROK's public opinion regarding Yoon Suk-yeol's Japanese policy indicates that the majority of South Koreans are skeptical about Yoon Suk-yeol's "future-oriented" approach to building relations with Japan, and expect more active mutual actions from Japan. The perception of Japan by the public opinion in the ROK is prone to volatility – it depends on the position of the administration in power, international situation and events taking place on the bilateral track, but this volatility tends to be within certain limits. The limiting factors of the current administration's policy towards Japan are the negative perceptions of Japan deeply rooted in the minds of the majority of the ROK's population as well as the struggle of ideas within the ruling elite and the transmitting of opposing perceptions of Japan by main political groups. One of the main drivers of South Korea – Japan relations is the attitude of South Koreans towards the United States, the ROK-US alliance and their perception of the international situation as a whole.*

Keywords: Republic of Korea, Japan, public opinion, perception, image, South Korea-Japan relations.

For citation: Pugacheva O.S. The Reaction of South Korean Public Opinion to the Japanese Policy of Yoon Suk-yeol's Government and the Dynamics of the ROK's Perceptions of Japan. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 3. Pp. 115–129. DOI: 10.31696/S086919080031038-8

ВВЕДЕНИЕ

После прихода к власти в мае 2022 г. консервативного правительства во главе с Юн Сокёлем Сеул выступил инициатором нормализации отношений и скорейшего восстановления прагматичного сотрудничества с Токио без акцентирования внимания на проблемах исторического прошлого. В марте 2023 г. правительство Юн Сокёля предложило план выплат компенсаций жертвам принудительной трудовой мобилизации в годы японского

² The study was supported by MGIMO University, project no. 2025-04-03.

колониального господства в Корее, иски которых против японских компаний были удовлетворены Верховным судом РК в 2018 г. Выдвинутое Сеулом решение предполагало сбор пожертвований южнокорейских компаний, которые получили в прошлом экономическую выгоду от японских грантов и займов в соответствии с двусторонним договором об основах отношений 1965 г. Данный подход к урегулированию вопроса компенсаций без участия японских компаний нашёл отклик в Токио и дал старт быстрому восстановлению отношений между Сеулом и Токио, а также активизации и институализации трехстороннего сотрудничества с участием РК, Японии и США в области безопасности.

На уровне консервативного дискурса администрации Юн Согёля прослеживается отход от антияпонизма, который являлся неотъемлемой составляющей корейского национализма и основой корейского национального мифа. Правительство предпринимает усилия для того, чтобы изменить восприятие Японии южнокорейским населением, и продвигает нарратив о необходимости и взаимной выгоде сотрудничества двух стран. В своей речи в день празднования 104-й годовщины Движения за независимость президент РК Юн Согёль заявил, что «Япония превратилась из милитаристского агрессора прошлого в партнёра, который разделяет с нами общие универсальные ценности» [*Address by President*, 2023]. В качестве причин, по которым не стоит «ворошить прошлое», президент РК отмечал возросшую как никогда важность трёхстороннего сотрудничества между РК, США и Японией «для преодоления кризисов безопасности, включая растущую ядерную угрозу Северной Корее и глобальный поликризис», а также необходимость солидарности со странами, разделяющими общие ценности, в деле защиты свободы и прав человека и существующего либерального миропорядка, основанного на правилах.

Мотивация администрации Юн Согёля радикально поменять место Японии во внешней политике и пропаганде обусловлена и логикой внутривластной борьбы между прогрессистами и консерваторами, при которой последние пытаются дистанцироваться от прогрессивных нарративов о коллаборационистском прошлом и ответственности авторитарных режимов за нераскаяние Японии в послевоенный период и продвигают собственную интерпретацию истории страны. Так еще в начале 2000-х гг. произошла активизация ультраправых сил («новых правых») как реакция на «перекося» исторической политики прогрессивных президентов Ким Дэчжуна и Но Мухёна и «приватизацию» прогрессистами националистического дискурса [Yang, 2021]³. Чрезмерный антияпонизм, использовавшийся предыдущей прогрессивной администрацией Мун Чжэина для борьбы с консервативной оппозицией и всеми, кто критиковал правительство, способствовал консервативной реакции, выразившейся в появлении литературы, бросившей вызов официальным нарративам по колониальному прошлому, в том числе по «женщинам для утешения» и принудительному труду корейских рабочих на японских предприятиях во время японской колонизации⁴. В итоге на уровне лидеров общественного мнения взгляды на колониальное прошлое диверсифицировались, и, по оценкам некоторых южнокорейских исследователей, число сторонников отхода от «черно-белого» подхода к истории двусторонних отношений с Японией постепенно приближается к числу тех, кто придерживается общепринятого мнения [Park, 2020]. Кроме того, скандал, связанный с нецелевым использованием пожертвований главой фонда поддержки «женщин для утешения» Юн Ми Хян, привел к активизации критиков

³ «Новые правые» придерживаются более благоприятных взглядов на колониальное прошлое страны и бывших авторитарных лидеров, в частности отмечают важную роль японского колониализма для модернизации Кореи и установления либеральной демократии в Южной Корее.

⁴ В частности, книга «Антияпонский трайбализм», опубликованная в 2019 г. и ставшая бестселлером. В ней авторы отрицают насильственную мобилизацию корейских женщин в качестве «женщин для утешения» для японских солдат, утверждая, что большинство из них стали жертвами корейских «суденёров», а некоторых даже продали их родственники [*Editorial*, 2019].

официального нарратива по «женщинам для утешения» [Asmolov, 2020] и способствовал распространению альтернативных и нюансированных точек зрения по этому вопросу.

В свете происходящих изменений возникает исследовательский вопрос – можем ли мы говорить о том, что у двух стран появился шанс на долгосрочное сближение и выход из тупика исторических противоречий? Цель настоящей статьи – определить, в какой степени южнокорейское общественное мнение поддерживает японское направление политики президента Юн Согёля, насколько оно восприимчиво к транслируемому консервативной администрацией образу Японии, и как общественное мнение, в том числе образ Японии в РК, влияет на внешнюю политику РК в отношении Японии.

Согласно конструктивному подходу в международных отношениях, на которое опирается данное исследование, поведение акторов внешней политики обусловлено внутренними и международными социальными структурами, при этом государство, не являясь пассивным объектом внутренних и внешних социальных влияний, располагает широкими возможностями в области внешнеполитической деятельности [Цыганков, 2008, с. 44]. Одновременно, как отмечает П.А. Цыганков, «с точки зрения конструктивистов, личные идеи руководителей государства или правительства в области внешней политики имеют вес только в той мере, в какой их значение широко разделяется членами группы, общества и государства. Лишь в этом случае они становятся интересубъективными, оказывая воздействие на общественное мнение и, в свою очередь, воспринимая влияние идей, ценностей, предпочтений и оценок общественности» [Цыганков, 2008, с. 43]. Конструктивисты допускают возможность трансформации внешней политики в результате изменений в восприятии национальной идентичности, которые, в свою очередь, обуславливают изменения в восприятии национальных интересов [Цыганков, 2008].

Общественное мнение есть отличающееся интенсивностью и относительной стабильностью оценочное суждение социальных общностей по вопросам, представляющим для них интерес [Сафаров, 1982]. Применительно к носителям общественного мнения выделяют, например, следующие социальные группы – руководство, интеллектуальная элита и массы [Егорова-Гантман, Плешаков, 1988, с. 24]. Для понимания процессов влияния общественного мнения – представлений общества и социальных групп о конкретной стране – на внешнюю политику в отношении этой страны большой интерес и практическую пользу представляют работы, посвященные психологическому фактору в международных отношениях, в частности, концепциям образа и стереотипа [Lippmann, 1922; Boulding, 1956; 1959; Holsti, 1962; Егорова-Гантман, Плешаков, 1988; Cottam, 1992; Лукин, 2007]. Согласно этому подходу, «мы действуем соответственно тому, каким мир представляется нам, а не обязательно в соответствии с тем, каков он на самом деле» [Boulding, 1959, р. 120], а «действия людей в каждый конкретный момент определяются тем, каким образом им представляется мир» [Lippmann, 1922, р. 25]. Как отмечает А.В. Лукин, «во всех этих случаях ими [политиками] движут не абстрактные внешние интересы, а их собственное культурно обусловленное понимание того, в чем состоят их интересы, что увеличивает их власть или какие действия пойдут на пользу обществу» [Лукин, 2007, с. 27].

Общественное мнение – это форма общественного сознания. Общественное сознание оперирует образами и стереотипами. Политическая культура общества любого государства содержит стереотипные образы относительно окружающего мира, в том числе других стран [Лукин, 2007, с. 22]. Мы интерпретируем поступающую информацию о другом государстве на основе имеющегося образа этого государства. Этот образ включает в себя деление на «друзей и врагов», оценку могущества, статуса, культуры, угроз и возможностей [Шестопал, 2020; Cottam M., Cottam R., 2001]. Среди факторов, влияющих на образ страны, можно выделить геополитические реалии, современную политическую культуру, исторический

опыт взаимодействия двух стран, уже сложившийся образ в совокупности с реинтерпретацией исторических и заимствованных представлений [Лукин, 2007]. Массовое сознание находится в постоянной динамике, подпитываясь из внешней среды [Егорова-Гантман, Плешаков, 1988] и синтезируя новые образы путем модификации старых представлений [Лукин, 2007, с. 488–490].

Важно отметить, что «в неэкстремальных условиях общество не бывает едино в восприятии какой-либо страны» [Егорова-Гантман, Плешаков, 1988, с. 24], в силу чего не может быть одного единственного образа другого государства, разделяемого всем обществом или всеми политическими группами. Напротив, как показывает А.В. Лукин в своей книге «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках», эти образы могут быть разнообразными и зачастую противоположными, формируясь «под влиянием общих политических воззрений их обладателей и их понимания мира и места» [Лукин, 2007, с. 29] того или иного государства в нем. Страна может навязывать другим свой позитивный образ, «тем самым осуществляя влияние без уплаты высокой цены за изменение основ собственного внешнеполитического курса» [Jarvis, 1970, p. 3; Jarvis, 1976].

Таким образом, общественное мнение обусловлено определенным культурным контекстом. При этом образы – сложившиеся представления о другой стране – являются частью действительности и оказывают на нее влияние в силу того, что их разделяют как общество в целом, так и руководство страны.

Касательно механизмов образования образов других стран, того, какую роль в их формировании играет руководство страны, К. Боулдинг писал о том, что «совершенно ошибочно думать, что эти образы умело навязываются массам власть имущими», напротив чаще всего «сильные мира сего разделяют массовый образ, а не навязывают его» [Boulding, 1959]. При этом, естественно, признаются и возможности формирования и манипуляции общественным мнением масс со стороны государства, отдельных политических групп [Boulding, 1959, p. 122; Lippmann, 1922]. Тем не менее «в демократических обществах совокупное влияние образов простых людей очень велико; образ власть имущего не может слишком сильно расходиться с образом массы без потери власти власть имущими» [Boulding, 1959, p. 122]. Стоит обратить внимание также на то, что общественное мнение – как руководства, так и интеллектуальной элиты и масс – может быть объектом манипулирования и испытывать воздействие со стороны другого государства [Егорова-Гантман, Плешаков, 1988, с. 30, 32].

Опросы общественного мнения не есть общественное мнение. Вместе с тем, они являются «важным каналом политической коммуникации» и «позволяют отслеживать, в какой мере народ поддерживает политический курс и конкретные действия правительства и насколько согласованы мнения лидеров и основной массы населения по актуальным вопросам внутренней и внешней политики» [Рукавишников, 2005, с. 815]. Опросы общественного мнения дают возможность определить тенденции и смыслы в структуре общественного сознания [Паутова, 2015]. Кроме того, результаты общественных опросов, являясь частью общественного дискурса, способны оказывать косвенное влияние на восприятие ситуации и другого государства как массами, так и руководством и интеллектуальной элитой.

Соответственно, опросы общественного мнения представляют собой один из источников для анализа представлений о другой стране, в частности анализа отношения населения к тому или иному образу государства, транслируемому различными политическими силами, разделяющими эти образы. В следующих частях настоящей статьи мы проанализируем опросы южнокорейского общественного мнения, во-первых, на предмет отношения к проводимому действующей администрацией курса в отношении Токио, во-вторых, относительно динамики восприятия южнокорейцами самой Японии, и сделаем выводы относительно

влияния общественного мнения на внешнюю политику РК в отношении Японии, и, соответственно, перспектив японской политики действующей южнокорейской администрации.

РЕАКЦИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА КУРС АДМИНИСТРАЦИИ ЮН СОГЁЛЯ В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ

До прихода Юн Согёля к власти в 2021 г. 71,1% респондентов на вопрос, нужно ли предпринимать усилия для улучшения отношений с Японией, ответили положительно, в то время как 23% выразили мнение, что такой необходимости нет. В 2022 г. результаты того же опроса показали, что число респондентов, полагающих, что необходимо улучшать отношения с Токио увеличилось, достигнув 81,1% [*The 10th Korea-Japan*, 2022]. Таким образом, похоже, что намерение президента Юн Согёля нормализовать отношения с Японией совпало с мнением подавляющего большинства населения Южной Кореи. Вместе с тем большая часть респондентов (64%) в марте 2023 г. поддержала мнение о том, что «не нужно спешить с улучшением [отношений], если отношение Японии не изменится», и только треть (31%) согласилась, что «даже если мы пойдем на некоторые уступки, нам нужно как можно скорее улучшить отношения [с Японией]» [*Теилли опхинион че 533 хо*, 2023]. Несмотря на общественные настроения, администрация Юн Согёля взяла курс на ускоренное восстановление отношений с Токио.

Выдвинутый Юн Согёлем план выплат компенсаций южнокорейскими компаниями не нашёл поддержки у большинства населения. Согласно опросам общественного мнения, 35% респондентов поддержали предложенный правительством план «для развития южнокорейско-японских отношений и национальных интересов», в то время как более половины – 59% – высказались против плана из-за отсутствия извинений и компенсаций со стороны Японии [*Теилли опхинион че 533 хо*, 2023]. При этом поддержка плана компенсаций третьей стороной была сильна среди сторонников партии консерваторов «Гражданская сила» («Сила народа») – 67%. План по урегулированию вопроса компенсаций был раскритикован оппозицией и гражданскими организациями, прежде всего потому что значительная часть южнокорейского общества считала, что РК пошла на значительные уступки, в то время как Япония осталась при своём мнении.

Согласно опросу, проведенному Gallup Korea в мае 2023 г. после саммита Юн Согёля и Фумио Кисиды в Сеуле, 33% опрошенных ответили, что южнокорейско-японские переговоры были «плодотворными», 49% сказали, что они «не были плодотворными», а 18% респондентов воздержались от ответа [*Теилли опхинион че 542 хо*, 2023]. В Южной Корее наблюдается поляризация общественного мнения относительно оценки курса консервативной администрации в отношении Японии. Так, 47% респондентов сказали, что они поддерживают усилия по восстановлению двусторонних отношений посредством серии встреч на высшем уровне между премьер-министром Японии Фумио Кисидой и президентом Южной Кореи Юн Согёлем, в то время как 49% ответили, что не поддерживают. Подход президента Юна к улучшению отношений с Японией без поднимания вопросов истории одобрили только 50% респондентов. Оценки южнокорейцев контрастируют с оценками японцев, 84% которых поддержали действия лидеров двух стран по восстановлению двусторонних отношений, а 85% выразили поддержку подхода южнокорейского президента к выстраиванию отношений с их страной [*Survey Finds*, 2023].

Стоит отметить, что оппозиция критически относится к проводимому правительством курсу в отношении Японии, называя его «унизительной дипломатией», которая не соответствует национальным интересам страны [Ли, 2023]. Учитывая то, что 84% южнокорейцев выступает против сброса радиоактивной воды с Фукусимы в океан, данный вопрос превра-

тился в фактор внутривнутриполитической борьбы. Южнокорейское правительство и консервативные круги, с одной стороны, и оппозиция, с другой, заняли прямо противоположные позиции по этому крайне дискуссионному вопросу. Администрация Юн Сокёля не возражает против сброса, обосновывая свою позицию объективной и научной оценкой этого процесса, и принимает усилия с тем, чтобы уменьшить обеспокоенность среди населения РК. Однако оппозиционная партия заняла жёсткую позицию, выступив категорически против сброса и активно критикуя политику Юн Сокёля по данному вопросу (см.: [Asmolov, 2023]).

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ЯПОНИИ В РК

Что касается динамики отношения южнокорейцев к Японии, то данные опросов свидетельствуют о том, что южнокорейское общественное мнение волатильно и зависит от политического курса руководства страны и состояния южнокорейско-японских отношений в целом. В 2022 г. 52,8% респондентов имели неблагоприятное впечатление о Японии, это почти на 20% ниже по сравнению с 2020 г., когда отношения между двумя странами были наиболее напряженными (табл. 1). Вместе с тем, согласно опросу 2023 г., в то время как японское общественное мнение показывало рост положительного восприятия РК и снижение отрицательного, южнокорейское демонстрировало противоположную тенденцию относительно Японии. Цифры 2023 г. отличаются незначительно от 2022 г., однако отметим, что максимум положительного и минимум отрицательного восприятия Японии зафиксированы в 2019 г., накануне ухудшения отношений между Токио и Сеулом. Несмотря на усилия южнокорейской администрации Юн Сокёля, пока не удаётся переломить ситуацию: за период с 2013 по 2023 г. не более трети респондентов положительно воспринимали Японию и половина и более – отрицательно.

Таблица 1.

Каково Ваше впечатление о другой стране
(Японии / Южной Корее)? [Один ответ]

Год / Впечатление	Южная Корея: положительное	Южная Корея: отрицательное	Япония: положительное	Япония: отрицательное
2013	12,2	76,6	31,1	37,3
2014	17,5	70,9	20,5	54,4
2015	15,7	72,5	23,8	52,4
2016	21,3	61,0	29,1	44,6
2017	26,8	56,1	26,9	48,6
2018	28,3	50,6	22,9	46,3
2019	31,7	49,9	20,0	49,9
2020	12,3	71,6	25,9	46,3
2021	20,5	63,2	25,4	48,8
2022	30,6	52,8	30,4	40,3
2023	28,9	53,3	37,4	32,8

Улучшилось восприятие населением обеих стран двусторонних отношений. Согласно совместному опросу южнокорейской газеты «Хангук ильбо» и японской «Ёмиури симбун», в 2023 г. 43% южнокорейцев положительно оценивали состояние отношений между двумя странами, что резко контрастировало с 17,6% в 2022 г. и являлось максимумом с 1995 г. [Ильбонгва кванге чотха, 2023]. Что касается японцев, то ситуация аналогичная: доля тех, кто считал, что отношения между двумя странами хорошие, выросла с 17% в 2022 г. до 45% в 2023 г. Вместе с тем уровень доверия к друг другу невысок, особенно среди южнокорейцев. В Южной Корее только 27,6% респондентов ответило, что доверяет Японии, в то время как среди опрошенных японцев доверие к Южной Корее выразили 40%. При этом только 37,7% южнокорейцев и 34% японцев ответили, что отношения между Южной Кореей и Японией продолжают улучшаться в будущем [Ильбонгва кванге чотха, 2023].

Согласно последнему совместному опросу южнокорейского аналитического центра «Институт Восточной Азии» и японской некоммерческой организации Genron NPO, более 60% южнокорейцев продолжают считать, что для улучшения двусторонних отношений необходимо решить исторические споры и урегулировать территориальные притязания Японии на Токто [2023 EAI-Genron NPO, 2023]. Одновременно на вопрос о том, как РК следует реагировать на потенциальный конфликт с Японией в будущем, в 2023 г. 48,3% респондентов, выбрали вариант ответа «и РК, и Япония следует прилагать усилия, чтобы справиться с конфликтом и не допустить эскалации» (табл. 2). 31,3% ответили, что «конфликт между РК и Японией должен быть преодолен способом, ориентированным на будущее», что меньше, чем годом ранее (49,2%). Анализ данных опросов, позволяет сделать вывод о том, что южнокорейцы скептически оценивают «ориентированный на будущее» подход Юн Согёля к выстраиванию отношений с Японией, и ожидают более активных взаимных действий со стороны Японии.

Таблица 2.

Как, по Вашему мнению, РК должна реагировать на конфликт с Японией в будущем?
(% респондентов)

	Конфликт между РК и Японией должен быть преодолен способом, «ориентированным на будущее»	И РК, и Япония следует прилагать усилия, чтобы справиться с конфликтом и не допустить эскалации	До тех пор, пока политика Японии не изменится, нам следует сохранять дистанцию и избегать сотрудничества с ней (вариант ответа отсутствует в опросе 2023 г.)	Установление отношений, ориентированных на будущее, с Японией неосуществимо; мы должны дистанцироваться от нее	Затрудняюсь ответить
2022	49,2	31,1	13,5	2,6	3,5
2023	31,3	48,3	—	12,87	7,5

Источник: [2023 EAI-Genron NPO, 2023].

Интересны результаты опроса, проведенного Институтом политических исследований Асан в 2023 г., которые показывают, что, несмотря на активные действия правительства Южной Кореи по нормализации отношений с Токио, общественное мнение считает вос-

становление отношений с Японией не столь важным вопросом внешней политики страны по сравнению с другими (табл. 3).

Таблица 3.

Что является наиболее важным вопросом внешней политики для Южной Кореи?
(% респондентов)

Вопрос внешней политики	%
Поддержание союза с США	25,3
Улучшение межкорейских отношений	20,0
Участие в многосторонней дипломатии	19,6
Денуклеаризация КНДР	15,0
Укрепление сотрудничества с Китаем	9,9
Восстановление отношений с Японией	9,0

Источник: [South Koreans and Their Neighbors, 2023].

Согласно опросу Gallup Korea, роль Японии в обеспечении мира на Корейском полуострове оценивается довольно невысоко по сравнению с США и Китаем (табл. 4). Вместе с тем, как показывает «Исследование восприятия объединения» Института объединения и мира Сеульского университета, 78% респондентов считают, что «очень важно» и «важно» укреплять сотрудничество с Японией для денуклеаризации Северной Кореи (табл. 5). Хотя это меньше, чем число респондентов, полагающих, что для денуклеаризации КНДР важно сотрудничать с США (97,6%) и Китаем (87,3%), тем не менее это достаточно внушительная цифра – больше трёх четвертей опрошенных.

Таблица 4.

Наиболее важная для обеспечения мира на Корейском полуострове страна (2013–2023) (%)

	18-21.03. 2013	1-3.07.2013	8-10.07.2014	10-12.03.2015	18-20.08.2015	9-11.08.2016	23-25.05.2017	14-16.11.2017	19-21.11.2019	9-11.11.2021	9-11.08.2022	20-22.06.2023
Япония	2	1	2	2	4	2	1	2	6	3	1	3
США	71	56	49	59	57	53	55	57	62	71	75	70
Китай	18	35	35	33	30	33	36	36	19	17	13	20
Россия	1	0	1	1	1	1	1	0	2	2	1	1
Другая					1	0	0	2	3	2	1	1
Воздержались от ответа	8	8	13	6	7	11	7	2	9	6	8	5

Источник: [Тешли опхинион че 547 хо, 2023].

Таблица 5.

Насколько важно, с Вашей точки зрения, укреплять «сотрудничество между РК и США»;
«сотрудничество между РК и Китаем» и «сотрудничество между РК и Японией»
для денуклеаризации Северной Кореи? (2023, % респондентов)

	РК – США	РК – Китай	РК – Япония
Очень важно	50	29,3	18,4
Важно	47,6	58,0	60,0
Не очень важно	2,0	11,6	18,9
Совсем не важно	0,4	1,1	2,7

Источник: Составлено автором на основе табличных данных «Исследования восприятия объединения» Института объединения и мира Сеульского университета: [2023 *тхонъирисикчоса*, 2023].

Обращает на себя внимание то, что процент респондентов, считающих Японию самой близкой страной (из пяти стран – США, Китай, Япония, КНДР, Россия) держится на достаточно низком уровне, не превышая 10%, за исключением 2007 г., когда начали проводить данный опрос (график 1)⁵. С 2012 по 2015 г. доля ответивших, что испытывают чувство близости к Японии, сокращалась на фоне ревизионистского подхода к истории пришедшего к власти в Японии в 2012 г. Синдзо Абе и нового этапа активизации исторических споров между двумя странами. Однако достигнув минимума (3,9%) в 2015 г., данный показатель вырос в 2016 и 2017 гг., что связывают с усилением ядерной угрозы со стороны КНДР и экономическими санкциями Китая против РК в ответ на размещение на южнокорейской территории американских систем противовоздушной обороны [2017 *тхонъирисикчоса*, 2017]. С 2018 по 2021 г. в условиях обострения южнокорейско-японских отношений процент испытывавших близость к Японии вновь сократился и не превышал 5,7%, однако не упал до минимума 2015 г. В 2023 г. доля респондентов, назвавших Японию наиболее близкой страной, составила 8,1%, что является самым высоким результатом после 2017 г. и отражает не столько улучшение двусторонних отношений между Сеулом и Токио, сколько усиление напряженности на Корейском полуострове и рост негативного отношения к Китаю. Так, в 2023 г. доля респондентов, испытывающих чувство близости к Японии, впервые превысила долю тех, кто считает самой близкой страной КНДР, которая традиционно занимала второе место после США, за исключением 2014 и 2015 гг., когда на втором месте оказался Китай. На протяжении всех лет, когда проводился данный опрос, преобладающее число южнокорейцев склонны испытывать чувство близости к США. В 2023 г. их доля составила рекордные 81,5%.

Уровень восприятия угрозы со стороны Японии достиг пика в 2019 г. (28,3%), когда ухудшились отношения между двумя странами, но с тех пор снизился, достигнув 7,3% в 2022 г. и 8,3% в 2023 г. (график 2). Опросы также показывают, что в 2023 г. среди людей с прогрессивными политическими взглядами и возрастных категориях с 40 до 50 лет и после 60 лет восприятие угрозы со стороны Японии выше (11,9% и 9,6% и 10,2% соответственно) по сравнению с теми, кто придерживается консервативных настроений (5,6%), и молодежью с 19 до 29 лет (4,9%) (табл. 6). Интересно, что среди респондентов, считающих Японию самой близкой страной, доля людей с консервативными политическими взглядами ниже, чем тех, кто придерживается прогрессивных взглядов. Это связано с тем, что преоб-

⁵ Графики 1–3 находятся на цветной вклейке.

ладающее число консервативно настроенных респондентов в большинстве своем отдают приоритет США (83,9%) [2023 тхонъирисикчоса, 2023].

Таблица 6.

Доля респондентов, считающих Японию самой близкой страной / наибольшей угрозой для мира на Корейском полуострове в зависимости от возраста и политических взглядов респондентов, 2023 г. (%)

		% респондентов, считавших Японию самой близкой страной	% респондентов, считавших Японию наибольшей угрозой
Возраст	19-29 лет	11,2	4,9
	30-39 лет	9,0	8,5
	40-49 лет	10,9	9,6
	50-59 лет	6,9	7,3
	60 лет и выше	4,1	10,2
Политические взгляды	Прогрессивные	8,2	11,9
	Умеренные	8,5	7,7
	Консервативные	7,0	5,6

Источник: Составлено автором на основе табличных данных «Исследования восприятия объединения» Института объединения и мира Сеульского университета, 2023: [2023 тхонъирисикчоса, 2023].

Весьма примечательно, что южнокорейцы склонны воспринимать Японию как «конкурента» и «объект, к которому нужно относиться с осторожностью» (график 3). Доля респондентов, оценивавших Японию как «конкурента», варьировалась от 27,0% в 2014 г. до 50,9% в 2010 г., когда обострился территориальный спор между РК и Японией. Воспринимали Японию как «объект, к которому нужно относиться с осторожностью», от 26,2% респондентов в 2009 г. до 44,0% в 2014 г. Обращает на себя внимание то, что восприятия «страны восходящего солнца» как «объекта враждебности» и как «конкурента» коррелировали в некоторой степени обратно пропорционально друг другу, однако образ «конкурента» всегда преобладал над образом «объекта враждебности». Вместе с тем в периоды с 2013 по 2015 г. и с 2018 по 2020 г. образ «объекта враждебности» превалировал над образом «объекта для сотрудничества». В 2023 г. наибольшее число респондентов ответили, что воспринимают Японию как «конкурента» (48,8%), далее в порядке убывания: 24,6% – как «объект, к которому нужно относиться с осторожностью», 22,0% – как «объект для сотрудничества» и 4,7% как «объект враждебности». Стоит отметить, что если в опросе 2021 г. доля воспринимавших Японию как «объект для сотрудничества» была самой низкой по сравнению с другими соседними странами⁶, то в опросах 2022 г. и 2023 г. она оказалась самой высокой после США.

⁶ Опрос проводился по четырем странам – США, Китаю, Японии и России.

В целом в период с 2007 по 2023 г. можно наблюдать цикличность в восприятии южнокорейцами Японии, которая совпадала с периодами ухудшения и улучшения двусторонних отношений, сопровождавшимися соответствующей информационной повесткой. С 2019 г. наблюдается рост числа респондентов, которые воспринимают Японию как «объект для сотрудничества», достигнувший в 2023 г. максимума. Одновременно с 2019 г. прослеживается тенденция уменьшения доли тех, кто оценивает Японию как «объект, к которому нужно относиться с осторожностью», и с 2020 г. – тех, кто склонны считать ее «объектом враждебности». При этом доля тех, кто оценивают Японию как «объект враждебности», оказалась самой низкой за весь период проведения опроса.

Анализ внешнеполитических оценок южнокорейцев относительно Японии показал, что восприятие Японии общественным мнением склонно к волатильности – зависит от позиции находящейся у власти администрации, международной ситуации и событий, происходящих на двустороннем треке, но в определенных пределах. Это можно объяснить, с одной стороны, разделяемым массами глубинным устойчивым историческим образом Японии как агрессора и эксплуататора, равно как определенным градусом антияпонских настроений, поддерживаемым системой образования [Ким, Соловьёв, 2023]. С другой стороны, в правящей элите РК идет борьба образов Японии, которая отражает как внутривнутриполитические калькуляции политических партий, так и различия в видении ими мира и роли РК в нем. Политические силы – прогрессисты и консерваторы – конкурируют за влияние на образование внешнеполитического образа Японии среди населения, тем самым способствуя турбулентности общественного мнения, для которой характерны резкие смены позиций, размежевание полярных мнений, «хаотичный динамизм и непредсказуемость точек зрения, их нелинейность, болезненная конфликтность» [Паутова, 2015, с. 82].

Негативный образ Японии, глубоко укоренившийся в сознании большей части южнокорейского населения, а также трансляция правящей элитой противоположных образов Японии служат ограничительными факторами политики действующей администрации на японском направлении. Подход Юн Согёля к выстраиванию отношений с Японией не находит полной поддержки среди южнокорейцев и встречает резкую критику оппозиции. Прослеживается скептическое отношение южнокорейского общества к прояпонскому курсу правительства Юн Согёля.

Одним из драйверов двусторонних отношений является отношение южнокорейцев – как представителей руководства, политической и интеллектуальной элиты, так и обычных граждан – к США, к южнокорейско-американскому союзу и восприятие ими международной ситуации в целом. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что южнокорейцы поддерживают нормализацию отношений с Токио, потому что считают, что это необходимо для укрепления южнокорейско-американского альянса [Sohn, Kim, Park, 2023, p. 17]. В такой ситуации образ потребного будущего РК, разделяемый руководством США, играет важную роль в японской политике Сеула.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях. *Мировая экономика и международные отношения*. 1988. № 12. С. 19–33 [Egorova-Gantman E., Pleshakov K. The Concept of Image and Stereotype in International Relations. *World Economy and International Relations*. 1988. No. 12. Pp. 19–33 (in Russian)].

Ким Н.Н., Соловьёв А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея. *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 2. С. 49–72 [Kim N.N., Soloviev A.V. Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea. *Journal of International Analytics*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 49–72 (in Russian)].

Лукин А.В. *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках*. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007 [Lukin A.V. *The Bear Watches the Dragon. Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations in the 17–20th Centuries*. Moscow: AST: Vostok – Zapad, 2007 (in Russian)].

Паутова Л. Внешнеполитические события 2014–2015 годов в общественном мнении россиян. *Россия в глобальной политике*. 2015. № 2. С. 82–90 [Pautova L. Foreign Policy Events of 2014–2015 as Seen by Russians. *Russia in Global Affairs*. 2015. No. 2. Pp. 82–90 (in Russian)].

Рукавишников В.О. *Холодная война, холодный мир. Общественное мнение США и Европы о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада*. М.: Академический проспект, 2005 [Rukavishnikov V.O. *Cold War, Cold Peace. Public Opinion in the USA and Europe about the USSR/Russia, Foreign Policy and Western Security*. Moscow: Akademicheskyy prospekt, 2005 (in Russian)].

Сафаров Р.А. *Общественное мнение в системе советской демократии*. М.: Знание, 1982 [Safarov R.A. *Public Opinion in the System of Soviet Democracy*. Moscow: Znanie, 1982 (in Russian)].

Цыганков П.А. Внешняя политика и общественное мнение. *Обозреватель*. 2008. № 7. С. 30–41 [Tsygankov P.A. Foreign Policy and Public Opinion. *Observer*. 2008. No. 7. Pp. 30–41 (in Russian)].

Шестопал Е.Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами. *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11. № 4. С. 16–28 [Shestopal E.B. Russians' Perception of Foreign Countries. *Society. Communication. Education*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 16–28 (in Russian)].

2017 тхоньирисикчоса, соульттэ тхонильпхёнхваёнгуwon (2017년 통일의식조사, 서울대 통일평화연구원; Исследование восприятия объединения, 2017 г., Институт объединения и мира Сеульского университета) [2017 tong-il-uisigjosa, seouldae tong-ilpyeonghwayeonguwon (2017 Unification Consciousness Survey, Institute for Peace and Unification Studies of Seoul National University) (in Korean)]. <https://ipus.snu.ac.kr/wp-content/uploads/files/attach/binaries/12865/306/091/e8ca9b014f952631d739d189d0bc5abc> (accessed: 06.02.2024).

2023 тхоньирисикчоса, соульттэ тхонильпхёнхваёнгуwon (2023년 통일의식조사, 서울대 통일평화연구원; Исследование восприятия объединения, 2023 г., Институт объединения и мира Сеульского университета) [2023 tong-il-uisigjosa, seouldae tong-ilpyeonghwayeonguwon (2023 Unification Consciousness Survey, Institute for Peace and Unification Studies of Seoul National University) (in Korean)]. https://ipus.snu.ac.kr/wp-content/uploads/2023/12/2023-통일의식조사-내지_최종.pdf (accessed: 06.02.2024).

Ильбонгва кванге чотханын хангугин 1 нёнсэ 18→44%...28 нён мане чхегочхи [ханиль ёронджоса] (“일본과 관계 좋다”는 한국인 1년새 18→44%...28년 만에 최고치 [한일 여론조사]; За 1 год число южнокорейцев, которые сказали, что «отношения с Японией хорошие», увеличилось с 18 до 44% ... самый высокий показатель за 28 лет [опрос Южная Корея – Япония]) [Ilbongwa gwangye johdaneun hangug-in Inyeonsae 18→44%...28nyeon man-e choegochi [han-il yeolonjosa] (“Relationship with Japan is good” among Koreans: 18% → 44% in one year... highest in 28 years [Korea-Japan opinion poll]) (in Korean)]. 15.06.2023. <https://m.hankookilbo.com/News/Read/A2023061102020001716> (accessed: 06.02.2024).

Ли Квангиль (이광길). Я, «ильбоне мусын якчом чапхёткие курёгвегё кодыпхана» (야, “일본에 무슨 잡혔기에 굴욕외교 거둬하나”; Оппозиция, «Какая слабость перед Японией, чтобы повторять унижительную дипломатию?») [ya, “ilbon-e museun yagjeom jabhyeossie gul-yog-oegyo geodeubhana” (Opposition, “What weakness do we have for Japan if we continue humiliating diplomacy?”) (in Korean)]. 03.01.2023. <https://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=206990> (accessed: 06.02.2024).

Теулли опхинон че 533 хо (2023нён Зволь 2чу) (데일리 오피니언 제533호 (2023년 3월 2주); Ежедневный опрос общественного мнения № 533 (2-я неделя марта 2023 г.)) [*Deilli opinieon je533ho (2023nyeon 3wol 2ju)* (Daily Opinion No. 533 (2nd week of March 2023)) (in Korean)]. 09.03.2023. <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1371> (accessed: 06.02.2024).

Теулли опхинон че 542 хо (2023нён 5воль 2чу) (데일리 오피니언 제542호 (2023년 5월 2주); Ежедневный опрос общественного мнения № 542 (2-я неделя мая 2023 г.)) [*Deilli opinieon je542ho (2023nyeon 5wol 2ju)* (Daily Opinion No. 542 (2nd week of May 2023)) (in Korean)]. 11.05.2023. <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1392> (accessed: 06.02.2024).

Теулли опхинон че 547 хо (2023нён 6воль 4чу) (데일리 오피니언 제547호 (2023년 6월 4주); Ежедневный опрос общественного мнения № 547 (4-я неделя июня 2023 г.)) [*Deilli opinieon je547ho (2023nyeon 6wol 4ju)* (Daily Opinion No. 547 (4th week of June 2023)) (in Korean)]. 22.06.2023. <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1401> (accessed: 06.02.2024).

2023 *EAI-Genron NPO Korea-Japan Joint Public Opinion Poll: Japan and the ROK-Japan Relations*. http://www.eai.or.kr/main/english/program_view.asp?intSeq=22176&code=54&gubun=program (accessed: 06.02.2024).

Address by President Yoon Suk Yeol on 104th March First Independence Movement Day. 01.03.2023. <https://eng.president.go.kr/speeches/lpuJ3C1r> (accessed: 06.02.2024).

Asmolov K. What Should Wianbu Defenders Do Once There Are No More Wianbu? *New Eastern Outlook*. 18.08.2020. <https://journal-neo.su/2020/08/18/what-should-wianbu-defenders-do-once-there-are-no-more-wianbu/> (accessed: 30.03.2024).

Asmolov K. What's the Problem regarding Radioactive Water Discharge from the Fukushima Daiichi Nuclear Power Plant? Part One. The Technical Side of the Issue. *New Eastern Outlook*. 06.07.2023. <https://journal-neo.su/2023/07/06/whats-the-problem-regarding-radioactive-water-discharge-from-the-fukushima-daiichi-nuclear-power-plant-part-one-the-technical-side-of-the-issue/> (accessed: 06.02.2024).

Boulding K.E. National Images and International Systems. *The Journal of Conflict Resolution*. 1959. Vol. 3. No. 2. Pp. 120–131.

Boulding K.E. *The Image*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956.

Cottam M. Contending Dramas in American Foreign Policy. *Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations*. Ed. Cottam M., Chih-yu Shih. New York: Praeger, 1992. Pp. 75–100.

Cottam M.L., Cottam R.W. *Nationalism and Politics: the Political Behavior of Nation States*. Boulder, C.: Lynne Rienner Publishers, 2001.

Editorial. What a shame! *The Korea Times*. 26.08.2019. https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2019/08/202_274590.html (accessed: 30.03.2024).

Holsti O. The Belief System and National Images: a case study. *The Journal of Conflict Resolution*. 1962. Vol. 6. No. 3. Pp. 244–252.

Jarvis R. *The Logic of Images in International Relations*. Princeton: Princeton University Press, 1970.

Jarvis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1976.

Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922.

Park Cheol Hee. South Korean Views of Japan: A Polarizing Split in Coverage. *Joint U.S.-Korea Academic Studies*. Rozman G. (ed.) Vol. 31. Korea Economic Institute of America, 2020.

Sohn Yul, Kim Yang Gyu, Park Hansu. Diverging Perspectives on Improving Bilateral Relations: Analysis of the 2023 Korea-Japan Joint Opinion Poll. *EAI Issue Briefing*. 24.10.2023. https://eai.or.kr/main/english/program_view.asp?intSeq=22182&code=54&gubun=program (accessed: 06.02.2024).

South Koreans and Their Neighbors 2023. *ASAN Poll*. 2023. <https://en.asaninst.org/contents/south-koreans-and-their-neighbors-2023/> (accessed: 06.02.2024).

Survey Finds Japan-South Korea Relationship Best It's Been in Years. *The Japan News*. 15.06.2023. <https://japannews.yomiuri.co.jp/world/asia-pacific/20230615-116224/> (accessed: 06.02.2024).

The 10th Korea-Japan Joint Public Opinion Poll (2022). *The East Asia Institute*. 01.09.2022. http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=21399&board=eng_event (accessed: 06.02.2024).

Yang Sungik. An Old Right in New Bottles: State without Nation in South Korean New Right Historiography. *Journal of Asian Studies*. 2021. Vol. 80. No. 4. Pp. 889–909.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПУГАЧЕВА Оксана Сергеевна – эксперт
Центра Китая, Восточной Азии и ШОС ИМИ
МГИМО МИД России, Москва, Россия;
научный сотрудник Института Китая и
современной Азии РАН, Москва, Россия.

Oksana S. PUGACHEVA, Expert, Center for
China, East Asia and SCO, MGIMO University,
Moscow, Russia; Research Fellow, Institute of
China and Contemporary Asia, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье О.С. Пугачевой

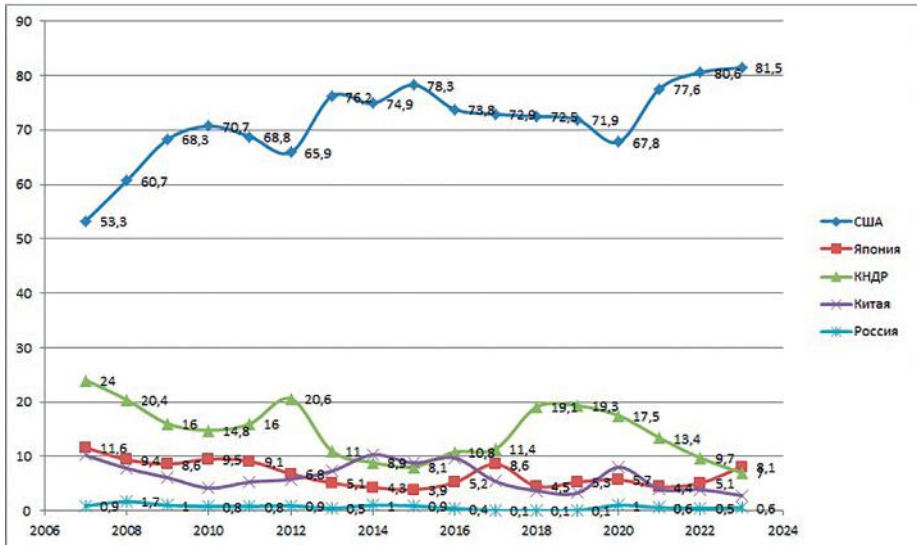

График 1. Оценка общественным мнением РК чувства близости с соседними странами [Какая из следующих стран вам ближе всего?] (2007–2023, % респондентов).

Fig. 1. South Koreans' perception of closeness to neighboring countries [Which of the following countries do you feel closest to?] (2007–2023, %).

Source: https://ipus.snu.ac.kr/blog/archives/research_cat/unification_perception-survey.

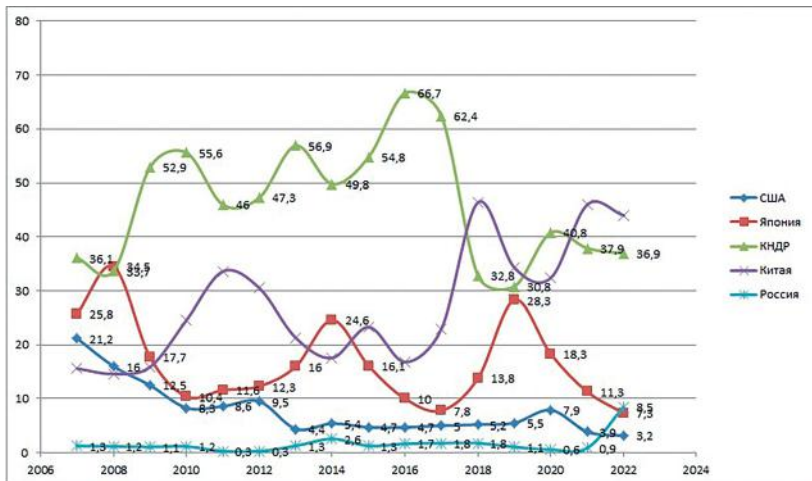

График 2. Оценка общественным мнением РК враждебности со стороны соседних стран [Какая из следующих стран, по вашему мнению, представляет наибольшую угрозу миру на Корейском полуострове?] (2007–2023, % респондентов).

Fig. 2. South Koreans' perception of threat from neighboring countries [Which of the following countries do you think is the most threatening to peace on the Korean Peninsula?] (2007–2023, %).

Source: https://ipus.snu.ac.kr/blog/archives/research_cat/unification_perception-survey.

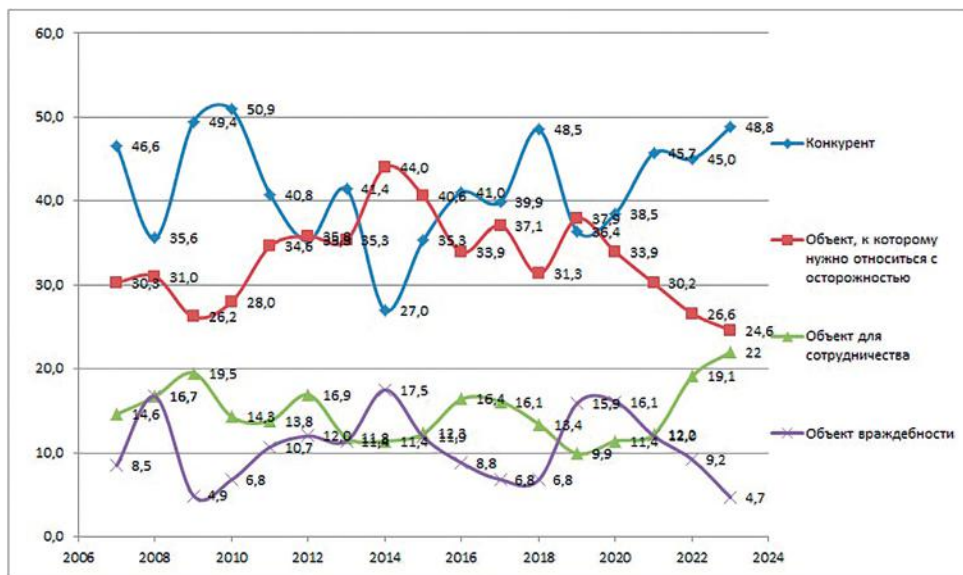

График 3. Восприятие образа Японии в Южной Корее (2007–2023, % респондентов).

Fig. 3. Perception of Japan in South Korea (2007–2023, %).

Source: https://ipus.snu.ac.kr/blog/archives/research_cat/unification_perception-survey.